DOI 10.25991/VRHGA.2025.4.4.043
УДК 314.743

Л. А. Ганичев*

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ**

Статья посвящена судьбе и культурной идентичности первой русской эмиграции в Финляндии (1918–1939 гг.). Наиболее заметными эмигрантскими группами стали местное русское население, «дачники» и беженцы из РСФСР. Их количество нельзя оценить точно по причине массового нелегального пересечения границы в первой половине 1920-х гг. Эмигранты видели в Финляндии спокойную гавань, в которой они могли переждать «красную бурю». Официальные власти страны и местное население не всегда были лояльны к русским эмигрантам. Вопреки этому им удалось создать уникальное и жизнеспособное культурное, общественное и духовное пространство. Вместе с тем русские сообщества испытывали определенные проблемы: например, социальную изолированность и нехватку своих заметных научных центров. Последствия Великой депрессии, «провинциальный» статус региона, отсутствие перспектив для не говорившей по-фински русской молодежи привели к серьезному оттоку в течение 1930-х гг. Зимняя кампания и Вторая Мировая война вкупе с ассимиляционными процессами и советским влиянием привели к закрытию почти всех эмигрантских

* Ганичев Леонид Александрович — магистр, аспирант, Leonid.ganichev98@mail.ru, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 191186, Большая Морская ул., д. 18.

Leonid A. Ganichev — master's degree, postgraduate student, Leonid.ganichev98@mail.ru, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation; Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 Bolshaya Morskaya str., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25–28–00927, https://rscf.ru/project/25–28–00927/; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

организаций. Феномен первой русской эмиграции в Финляндии заключается в ее наследии и трагическом опыте. Их осознание и принятие делают возможным примирение и воссоединение Русского Зарубежья с исторической Россией.

Ключевые слова: русская эмиграция, Русское Зарубежье, Финляндия, первая «волна», культура, самосознание.

L. A. Ganichev

THE HISTORY AND CULTURE OF THE FIRST RUSSIAN EMIGRATION IN FINLAND

The article is devoted to the fate and cultural identity of the first Russian emigration in Finland (1918–1939). The most notable emigrant groups were the local Russian population, "dachniks" and refugees from the RSFSR. Their number cannot be accurately estimated because of the mass illegal border crossing in the first half of the 1920s. Emigrants saw Finland as a calm harbor where they could wait out the "red storm". The official authorities of the country and the local population were not always loyal to the Russian emigrants. Despite this, they managed to create a unique and viable cultural, social and spiritual space. At the same time, Russian communities experienced certain problems: for example, social isolation and the lack of their prominent scientific centers. The effects of the Great Depression, the "provincial" status of the region, and the lack of prospects for non-Finnish-speaking Russian youth led to a serious exodus during the 1930s. The Winter Campaign and World War II, together with assimilation processes and Soviet influence, led to the closure of almost all emigrant organizations. The phenomenon of the first Russian emigration in Finland lies in its legacy and tragic experiences. Their realization and acceptance make possible the reconciliation and reunification of the Russian Diaspora with historical Russia.

Keywords: Russian emigration, Russian Abroad, Finland, first "wave", culture, self-awareness.

Перед исследованием истории первой русской эмиграции необходимо сказать несколько слов про ее нулевую «волну». По итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг. часть южных территорий Королевства Швеция были присоединены к Российской империи на правах автономии, став Великим княжеством Финляндским. Дореволюционная русская эмиграция в регионе была представлена в основном карельскими крепостными, обладателями официального вида на жительство и, позднее, петербургскими «дачниками». Нулевая волна была немногочисленной: всего 6 тыс. русских из 3-миллионного населения княжества [16, с. 6]. Регион тогда не пользовался спросом по причине близости столичного Санкт-Петербурга, сложностей в получении вида на жительство, правовой дискриминацией пришлого населения (например, русские не могли быть избраны в Сейм). Русское население Финляндии чаще встречалось в Вийпури (Выборг) и Гельсингфорсе (Хельсинки), а также городках Карельского перешейка и северном побережье Ладожского озера (например, Сортавале).

Октябрьская революция 1917 г. привела к тому, что 6 декабря того же года финский сейм примет решение о выходе Финляндии из состава Российской империи. Обретшая независимость Финляндская Республика стала одним из крупнейших (наравне с Польшей) государством-лимитрофом, также ставшая в географическом и политическом отношении антибольшевистским «санитарным кордоном». Эмигрантами в одночасье стало все русское население Карельского перешейка, надеявшиеся переждать неспокойные времена

«дачники» бывшие царские офицеры и чиновники, служившие в частных и правительственных учреждениях региона и потому оставшиеся «без места и без родины», а также столичные офицеры и горожане, спасавшиеся от репрессий и социально-экономического кризиса.

Отдельной категорией эмигрантов были беженцы из РСФСР. Они выбирали Финляндию по нескольким причинам: близкая к Петрограду протяженная и тогда слабо охраняемая граница; удобный морской транзит в другие страны европейского Русского Зарубежья; «понятность» региона, особенно для петербуржцев. Последний фактор подтверждает архангельский историк Т. П. Тетерлева: согласно ее сведениям, русские эмигранты изначально воспринимали свой отъезд в Финляндию как движение внутри российского государства [15, с. 2]. Иными словами, русские эмигранты продолжали видеть в Суоми имперскую национальную окраину.

Оценки числа беженцев разнятся в зависимости от охватываемого периода и методик подсчета. В частности, исследователь Н. А. Волкова утверждает о 15 тыс. русских беженцев за период 1917–1922 гг. [4, с. 421], а канд. филол. наук А. А. Димяненко доказывает, что за тот же период в стране постоянно проживали от 14 до 16 тыс. русских [5, с. 25]. Данные финского историографа Пекки Невалайнена куда выше: он полагает, что всего с 1917 по 1939 гг. через Финляндию прошло не менее 44 тыс. беженцев, не учитывая тысячи проезжавшими страну транзитом [13, с. 339]. Точных цифр нет по причине большого числа случаев нелегального пересечения русско-финской границы в период 1920х гг.

В этом отношении Финляндия воспринималась русскими эмигрантами как чистая, спокойная и доброжелательная страна, пусть и довольно скучная. В определенном смысле переход границы символизировал собой пересечение культурных и временных границ, которые разделяли новую и прежнюю жизнь, революционную Россию и «зажиточную» Европу. В случае Финской Республики русские эмигранты видели безопасное пристанище, однако вскоре им станет понятно, что это была только внешняя сторона.

В подтверждение этому приведем несколько общих и частных эпизодов. Так, большую часть легальных беженцев на границе ожидал весьма жесткий прием, представлявший собой обыск и многочасовые допросы. В стране до мая 1918 г. шла собственная гражданская война, по итогам которой красные финны потерпели поражение. Жертвами конфликта стали тысячи человек. В Тампере были расстреляны 200 русских пленных [12, с. 105], воевавших на стороне «красных». В выборгской бойне было расстреляно более 500 лояльных «белым» финнам русских, остававшихся в городе. По данным финского исследователя гражданской войны Я. Пааволайнена общее число расстрелянных составило 2549 человек [16, с. 19].

После окончания финской гражданской войны многие русские оказались в ужасном положении. У них долгое время не было адекватной материальной поддержки и правовой защиты. Даже те, кто жил в регионе до этого много лет, также были лишены продовольственных карточек и предметов первой необходимости [12, с. 107]. Свойственные финскому менталитету еще с царских времен подозрительность и негативное отношение ко всему русскому (во многом из-за

насильственных попыток русификации региона) проявлялись в наложенных на эмигрантов ограничениях под предлогом осуществления государственного над ними контроля. Бытовая дискриминация проявлялась, в частности, в нежелательности русской речи в общественных местах и требование многих работодателей при трудоустройстве «финнизировать» русскую фамилию.

Посетивший в середине 1920х гг. Финляндию британский журналист С. Грэхем в своей заметке указывает на тот факт, что создание официальными властями тяжелых условий в отношении русских эмигрантов призвано выдавить их обратно теперь в большевистскую Россию [17, с. 58]. В той же заметке журналист отмечает, что эта, по его выражению, «политика отчаяния» не принесла нужного эффекта. Чувство культурной обособленности и культурно-этнической дистанции приводили к тому, что русские в Финляндии куда охотнее контактировали со шведским меньшинством, нежели с коренным населением. Здесь также свою роль сыграла системная антирусская пропаганда периода 1918–1940 гг. [16, с. 21]. Она была обусловлена не столько «русским фактором», сколько «коммунистической угрозой», в которой власти Финляндии видели главного врага.

При всем этом русская эмиграция в Финляндии показала себя с достойной стороны. Необходимо прежде всего отметить ее представительность. Известными русскими, эмигрировавшими в страну, были, в частности, «дачники»: писатель Леонид Андреева и художник, учредитель «Общества русских художников в Финляндии» Николай Иосифович Блинов, а также бывшая императорская фрейлина Анна Александровна Вырубова, композитор Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский; фотограф, владелец фотоателье, изобретатель «Российского Фотопортрета при искусственном освещении» Фридрих Людвиг Германович Шрадер.

Первой важной особенностью, роднившую местную эмиграцию с другими странами Русского Зарубежья, было наличие как филиалов общерусских эмигрантских организаций, так и сугубо местных. Одним из наиболее важным был Особый Комитет, который, с разрешения финского правительства, функционировал в первую очередь как консульское представительство для русских без подданства, оформляя для них все необходимые документы. Другая общественная организация — ЗЕМГОР (Объединение Земских и Городских деятелей) — также помогала русским беженцам и в Финляндии.

«Общество русская колония в Финляндии», образованная по инициативе К. И. Арабажина 28 января 1918 г. в Хельсинки (позже появится отделение в Турку), стала одной из самых влиятельных и авторитетных организаций русской эмиграции в Финляндии. Ее главной целью, согласно Уставу [14], было объединение проживающих в Финляндии граждан русской национальности на почве общих интересов — материальных, духовных, культурных и правовых. Среди ключевых задач Общества упоминаются, в частности, «*содействие членам Колонии в устройстве их интересов и удовлетворении их запросов и нужд в рамках русской культуры*» и «*поддержание и развитие русско-финляндского сближения путем взаимного изучения культуры и общих интересов обоих народов*» [14, с. 2].

Из некоторых других русских организаций в Финляндии отметим работавшую с 1927 по 1945 гг. русскую скаутскую организацию (у нее был свой оркестр,

которым руководил Г. де Годзинский, а инструменты предоставляло общество вспомоществования Друзья Русских Скаутов), Союз Интеллигентных Тружеников, который состоял в основном из бывших царских гарнизонных офицеров и позже переименованный в «Трудовая Помощь в Выборге», Содружество Бывших Учащихся выборгского Русского Реального Лицея, ставшее инициатором многих местных мероприятий и выпускавшее Журнал Содружества.

По мере прекращения поступления внешней помощи и закрытия иностранных благотворительных организаций (как, например, Американского Красного Креста), многие русские эмигранты постепенно продавали свое движимое и недвижимое имущество, соглашались на любые работы. Так, многие смогли устроиться на конфетной фабрике Фацера, фабрике по производству колбасных изделий «Маршан», Хельсинкском Кабельном заводе, доке «Вяртсиля», фирме «Смирнофф», «Паул Буман», специализировавшегося на интерьерной отделке, и пр. Кроме того, в Выборге еще в конце 1920х гг. существовал Комитет трудовой помощи, а в Хельсинки работу предоставляла Русская трудовая артель.

Второй особенностью русской эмиграции в Финляндии, как и у остального Зарубежья, было убеждение в скорой и неизбежной реставрации монархии в России. По этой причине русские эмигранты поначалу не прилагали усилий для вхождения в культурно-общественное пространство страны, для чего необходимо изучать местные языки (финский и шведский). Более того, многие эмигрантов словно не осознавали собственного положения, впадая в созерцательно отрешенный образ жизни [16, с. 33], особенно по мере нарастания тоски по «утраченной» России и понимания своей жизненной невостребованности на чужбине, а порой и экзистенциального одиночества. Более того, докт. ист. н., проф. П. Н. Базанов подтверждает, что по крайне мере до победы большевиков в Гражданской войне многие эмигранты, особенно «дачники», настолько были уверены в своем скором возвращении, что ими «проедались последние сбережения или продавалась за бесценок любая недвижимость» [2, с. 197].

Третьей особенностью Русского Зарубежья в Финляндии была высокая политическая активность ее представителей. По мнению П. Н. Базанова, это качество были присуще очень многим эмигрантам-обывателям Русского Зарубежья [1, с. 233]. Такая политизированность обусловлена горечью из-за невозможности прямого служения своей Родине — Великой России, как они считали. Так, местные эмигранты участвовали (правда, чаще посредством периодических публикаций) в разрешении т. н. русского вопроса. Будучи в Финляндии, российский и чехословацкий литературовед, этнограф, фольклорист и писатель Евгений Александрович Ляцкий оставил много материалов, выражавших его личное к нему отношение. Одним из них была авторская статья «Русский вопрос в Париже» [10], опубликованная в газете «Северная жизнь». Профессор сокрушается касательно позиции держав Антанты:

> «По полученным нами непосредственно из Парижа сведениям, это совещание не пользовалось у вершителей судеб мирной конференции таким авторитетом, какого оно заслуживало и по составу своих членов, и по своим задачам. Ему мало уделяли внимания и с ним недостаточно считались» [10, с. 1].

Четвертая особенность русской эмиграции в Финляндии, напротив, была присуща только ей. Это малое (особенно на фоне «столиц» Зарубежья в лице Берлина и Парижа) число «крупных русских научных и учебных центров и крупных ученых-эмигрантов» [4, с. 422]. Исследователь Н. А. Волкова связывает эту проблему с иммиграционной политикой финских властей, наложивших множество ограничений на новоприбывших бывших русских граждан. Однако это обстоятельство нисколько не мешало местной эмиграции создавать и поддерживать различные (в некоторых случаях — многочисленные) общества, комитеты, кружки и тематические мероприятия. В частности, здесь можно вспомнить культурные, литературные и философские общества наподобие «Веретено», «Светлица», «Русский драматический кружок», музыкальный «Русский хор г. Хельсинки», профессиональные («Общество русских художников в Финляндии», «Артель русских грузчиков») и военные («Объединение офицеров императорской армии и флота») объединения. Кроме того, в Финляндии присутствовали филиалы различных международных организаций: в частности, у Российского общевоинского союза были свои отделения в Гельсингфорсе и Выборге, а «Русское христианское студенческое движение» располагало целыми двумя отделениями в стране.

В этом отношении культурная жизнь русской общины в Финляндии была весьма насыщенной. Эмигранты вели — по мере своих средств — и в новой обстановке привычную светскую жизнь, занимались культурной деятельностью [16, с. 34]. Так, И. Э. Еленевская вспоминает, что до отъезда ее семьи из Финляндии в 1933 г. в Гельсингфорсе ежегодно устраивались различные благотворительные вечера и спектакли. В частности, мемуаристка вспоминает о предрождественском базаре, проходившем в зале Пожарного Общества. Женщины, числившиеся в ее Благотворительном Обществе, делали различные рукоделия русского характера, и эти изделия с большим успехом продавались в пользу вышеупомянутого Общества [6, с. 8].

Культурно-Просветительное общество при Выборгском православном приходе также брало на себя организацию развлекательных и благотворительных мероприятий прежде всего для содержания Выборгского Русского Реального Лицея. Так, за 1923 г. [9, с. 1] Правление Общества организовало три крупных мероприятия: прошедший 20 марта в зале Финской народной школы духовный концерт, 18 ноября в зале Выборгского русского лицея Правлением был устроен семейный вечер с танцами и 28 декабря, в том же помещении, состоялся рождественский бал. Любопытно, что что «русское общество очень мало посещает научные чисто культурные публичные собрания, имеющие просветительную цель, и всегда охотнее откликается при устройстве вечеров с танцами» [9, с. 1].

Помимо прочего, с того же года Правление Общества взяло на себя инициативу в организации курсов местных языков и стенографии. В первом случае основной целью ставилась возможность дать знания русским беженцам из среды офицеров, техников и прочих специалистов, которые не могли найти себе работу только из-за незнания финского или шведского. Плата за слушание лекций взималась символическая — 50 фин. марок при трех уроках в месяц. О невостребованности этих языковых курсов свидетельствует тот факт, что на курсы финского записалось 16 человек, а шведского — всего 9 [9, с. 2].

Подобные культурные и развлекательные мероприятия, несмотря на внешний «легкий» характер, имели важное значение для русской эмиграции страны. Посредством них в русской эмигрантской среде в условиях физической и культурной оторванности от бывшей родины поддерживалась надежда на лучшие времена. Позже такие празднования были необходимы для сохранения русских традиций, связей с прошлым и, шире, идентичности, что было важно для подрастающего поколения. Это также давало возможность и без того «атомизированным», разобщенным русским эмигрантам поводы для встреч и живого общения. В конце концов, это было необходимо для привнесения новых красок в нелегкое эмигрантское «бытие».

Здесь можно вспомнить Дни русской культуры в Финляндии, которые вовлекали русскоязычное меньшинство в атмосферу «русского духа», сглаживали противоречия в эмигрантской среде, погружали в атмосферу «прежней» России за счет своего размаха и эстетики. Их можно считать свидетельством сохранения русского культурного наследия и показателем того, каких творческих высот могла достичь русская эмиграция в будущем.

Однако, как и случае многих других стран Русского Зарубежья, первая русская эмиграция в Финляндии стала приходить в упадок. Первой причиной стала докатившаяся до страны американская Великая депрессия, спровоцировавшая массовые увольнения прежде всего русских и, как следствие, высокий уровень безработицы. Вторым фактором было восприятие многими русскими эмигрантами Финляндии как «провинциального захолустья», отличавшегося меньшей общественно-политической и культурной динамикой в сравнении со «столицами» Зарубежья.

Третьим фактором стала скорая и, как показала история, неизбежная утрата русской идентичности у молодого поколения, особенно у тех, кто уже родился в Финляндии. Сама проблема фактически сводилась к образовательной политике финских властей. За исключением Выборга и Териоки, повсеместно проводилась политика сокращения высших классов и постепенного закрытия местных русских школ к 1930м гг. Немногие оставшиеся из них держались на энтузиазме отдельных русских учителей и организаций. Так, Культурно-Православное Общество большую часть своего дохода отдавало на содержание Выборгского Русского Реального Лицея и «бюджетников».

Все усугублялось тем обстоятельством, что, несмотря на наличие финского языка в расписании занятий, знания русских учеников по нему были недостаточными для поступления в местные университеты, поскольку один из вступительных экзаменов всегда был таковой по финскому или шведскому. До Второй Мировой войны эмигранты не скрывали своей обеспокоенности касательно уровня знаний финского русских выпускников и несогласованности финской и русской учебных программ [16, с. 83].

По сути, это была заградительная мера для русской молодежи, затруднявшая ее дальнейший профессиональный и социальный рост. По этой причине в 1920е гг. в Европу пережали многие молодые люди, получившие среднее образование в Финляндии [16, с. 82]. Кроме того, в отличие от Финляндии, в странах Центральной Европы и Балканах была развита система вспомоществования русским студентам-беженцам: только в одной

Чехии государственными стипендиатами были 3 тыс. русских студентов [16, с. 82].

Наконец, четвертой причиной отъезда русских эмигрантов из страны была напряженность накануне Советско-финской войны 1939–1940 гг. Сначала во второй половине 1930-х гг. вновь стали действовать долгосрочные жесткие меры в отношении иностранцев как в финляндском законодательстве, так и на практике [13, с. 93]: например, отменялась свободная выдача виз и начались превентивные задержания всех «подозрительных». После конфликта атмосфера напряженности и подозрительности в отношении русских только усилилась, особенно в отношении массово эвакуировавшихся с Карельского перешейка. В них официальные власти часто видели агентов НКВД и лиц, симпатизировавших коммунизму. В то же время П. Н. Базанов опровергает распространенное убеждение о полном «опустении» того же Карельского перешейка перед Зимней войной: так, «в поселке Келломяки "осталось от финнов три местных жителя"» [3, с. 105]: это были Ян-Иван Яковлевич Сереньш, его дочь Александра и дамский портной Виктор-Адольф Андреевич Малин, а также, согласно монографии П. Н. Базанова, художник Герман Аркадьевич Пресас.

В итоге русские постепенно покидали страну: если в конце 1920х гг. было зафиксировано 10 тыс. эмигрантов, то к 1936 г. — 6815 человек [18, с. 374]. Другим подтверждением этой неблагоприятной тенденции служат некоторые из отчетов Культурно-Просветительного Общества. Так, если в 1928 г. действительными членами Общества были 122 человека [8, с. 1], то к 1937 г. их стало 86 человек, из которых 71 лицо принадлежало к финляндскому гражданству [9, с. 2]. Это значит, что из организации не просто уходили те, кто был настоящим приверженцем сохранения русской культурной идентичности на чужбине, — многие ее действующие участники становились финскими подданными. Можно предположить, что в последнем случае это происходило в силу прагматизма (финский паспорт давал все гражданские права и частично нивелировал фактор «инородности»), разочарования (утрата последних надежд на реставрацию «старой» России) и ассимиляционных процессов.

Любопытно, что Е. А. Ляцкий в определенном смысле стал выразителем общих для первой русской эмиграции в Финляндии настроений, тревог и сожалений касательно утраченного «рая» и упущенных возможностей для его возрождения. Профессор был увлечен идеей формирования общего (антибольшевистского) фронта, но при условии вхождения в него «…людей, говорящих по меньшей мере на разных языках» [10, с. 8], т. е. в дифференциации общественных сил и осознании их идентичности. В период марта–апреля 1918 г., когда он оставил пост редактора газеты «Русская жизнь», он увидел две ключевые проблемы русской эмиграции региона. Первой была склонность некоторых ее представителей «видеть в создании газеты нечто вроде подвига» [10, с. 9]: иными словами, в его понимании эмигранты были сосредоточены не на том, на чем были должны. Это вело ко второй проблеме — отсутствию консолидации, невозможности договориться даже в несущественных вопросах. Поэтому Е. А. Ляцкому внутренняя борьба, трения, личные нападки в эмигрантской среде стали казаться «мелкими, несущественными и общественного внимания не стоящими» [10, с. 9].

Окончательный удар по русской эмиграции в Финляндии нанесла Вторая Мировая война. После заключения перемирия с Советской Россией в 1944 г. началось массовое закрытие русских эмигрантских организаций. Исключением стал Особый Комитет, который работал с большими ограничениями (фактически он занимался лишь попечением двух убежищ для престарелых). В 1945 г. в силу решения Контрольной комиссии во главе с генералом В. И. Ждановым будет закрыта Русская Колония. В итоге в Финляндии не осталось как таковых локальных центров русской эмиграции. Большая часть русской молодежи будет успешно ассимилирована, особенно поколение 1940е гг. Другая часть русских эмигрантов стала работать в советских организациях, вплоть до вступления в Общества финско-советской дружбы. Некоторые, по выражению И. Э. Еленевской, «уходили в личную жизнь». Оставшиеся эмигрировали в другие страны Зарубежья: определенным спросом пользовалась соседняя Швеция, не пострадавшая в войне благодаря соблюдаемому ею нейтралитету.

Таким образом, первая русская эмиграция в Финляндии во многом продемонстрировала те же уникальные качества, что присущи остальному пространству Зарубежья: адаптивность, изобретательность, сильное желание творить (не только творческие «продукты», но и историю как таковую) и не менее сильную ностальгию по своей «настоящей» Родине. При этом судьба русской эмиграции в Финляндии трагична не только в силу «гонений» на них местных властей, но и серьезно ударивших по ней Зимней и Второй Мировой войне. Массовая эвакуация, распад старых сообществ и ликвидация остававшихся привела к окончательной дезинтеграции внутри первой русской диаспоры в Финляндии. Она физически не исчезла, однако, как покажут дальнейшие «волны», ее облик и внутренняя культура станут другими.

Регион неспроста получил статус «провинциального». Дело здесь не только в общей активности и численности эмигрантов и их организаций. Ключевой особенностью Зарубежной России, помимо символических границ, культурного оппонирования «столиц — провинций», является сознательное дистанцирование от инокультурной среды. Реализация подобной формы сепарации была возможна только в «столицах» русского зарубежья, особенно в Париже. Любопытно, что в Финляндии это было реализуемо, но только при условии стабильного пребывания большого числа представителей творческой интеллигенции, которые могли бы как выстроить постоянные и широкие отношения со «столицами», так и сформировать столичную эмигрантскую культуру в стране.

Это подтверждается тем фактом, что к середине 1920х гг. по уровню социальной активности и самоорганизации русских колоний Финляндия приблизилась к крупным эмигрантским сообществам Русского Зарубежья [15, с. 6]. Довоенные Хельсинки и Выборг на определенное время стали заметными региональными центрами русского зарубежья, а период 1935–1937 гг. считается вторым после 1920х гг. наивысшим периодом подъема культурной жизни русской эмиграции в стране, когда уже давали знать о себе исторические и ассимиляционные процессы.

По выражению В. П. Тетерлевой «“глухая провинция эмиграции” оставалась зоной активного межкультурного взаимодействия, которое внесло

немалый вклад в формирование представлений соседних народов друг о друге» [15, с. 7]. В этом отношении опыт, наследие и смыслы русской эмиграции в Финляндии сегодня может поспособствовать как лучшему взаимопониманию и взаимообогащению русской и североевропейской культур, так и цивилизационному воссоединению исторической Россией с Россией Зарубежной. В последнем случае мы подразумеваем формирование в российском обществе цельного и долгосрочного консенсуса на счет национальной истории и осознания общерусской судьбы и, шире, духовной миссии, основанной на христианском гуманизме. Именно это, на наш взгляд, способно привести обе России к будущим диалогу и примирению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базанов П. Н.* Патриотизм и любовь к Родине как отличительная черта самосознания первой и второй «волн» русской эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 3–1. С. 228–236.

2. *Базанов П. Н.* Культура провинции Русского Зарубежья (на примере поселка Келломяки, нынешнее Комарово) // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2012. Т. 13. № 4. С. 196–205.

3. *Базанов П. Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. 183 с.

4. *Волкова Н. А.* Петербуржцы — эмигранты первой волны в Финляндии (предварительные итоги работы над библиографическим указателем) // Источниковедение и историография истории Санкт-Петербурга и региона. СПб.: Знаменитые универсанты, 2003. С. 421–425.

5. *Димяненко А. А.* Детская книга русского зарубежья в Европе, 1920–1956-е гг.: дис. … канд. филол. наук: 05.25.03. СПБ, 2018. 380 с.

6. *Еленевская И. Э.* Воспоминания. Часть II. Жизнь русской эмиграции в Финляндии // Проект «Шведская пальма». Стокгольм, 2025. [Электронный ресурс] URL: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaja/vospominanija_chast_II.asp (дата обращения: 06.02.2025).

7. Культурно-просветительное общество при Выборгском православном приходе. Доклад правления о деятельности общества за 1923 г. с приложением протокола ревизии и финансового отчета // ЛОГАВ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 7. 5 с.

8. Культурно-просветительное общество при Выборгском православном приходе. Доклад правления о деятельности общества за 1928 г. с приложением протокола ревизии и финансового отчета // ЛОГАВ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 12. 5 с.

9. Культурно-просветительное общество при Выборгском православном приходе. Доклад правления о деятельности общества за 1937 г. с приложением акта ревизии и финансового отчета. Список членов общества // ЛОГАВ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 18. 13 с.

10. *Ляцкий Е. А.* «Русский вопрос в Париже». Статья [в газ. Северная жизнь]. Рукой А. В. Ляцкой (рожд. Пыпина) // Рукописный отдел Института Русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 163. Оп. 1. Ед. хр. 275. 4 с.

11. *Ляцкий Е. А.* Заметка его по поводу статьи Е. И. Арабажина «К уходу Е. В. Ляцкого из “Русской жизни”». Рукой Е. А. Ляцкой (рожд. Пыпина) // Рукописный отдел Института Русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Оп. 163. Д. 1. Ед. хр. 278. 10 с.

12. *Мусаев В. И.* Русская диаспора в Финляндии в 1920–1930е гг.: формирование, способы адаптации // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей. Будапешт: Культурно-просветительский фонд «Dialogorum», 2020. С. 143–159.

13. *Невалайнен П.* Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Пер. с финск. Майю Леппя. Санкт-Петербург: Издательство «Журнал "Нева"», 2003. 368 с.

14. Русская колония в Финляндии. Устав общества Русская колония в Финляндии и устав союза защиты интересов русских граждан в Финляндии. Печатное // Рукописный отдел Института Русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 163. Д. 1. Ед. хр. 280, 2 с.

15. *Тетерлева Т. П.* Страны северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов // Материалы Седьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2005 г.). Под ред. В. Н. Барышникова. Санкт-Петербург, 2006. URL: https://www.sweden4rus.nu/lib/istorija/text/russkie_emmigranty_v_severnoj_evrope (дата обращения: 21.01.2025).

16. *Baschmakoff N., Leinonen M.* Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939 // STUDIA SLAVICA FINLANDENSIA. Helsinki, 1990. Tomus VII. C. 1–100.

17. *Graham Stephen.* The dividing line of Europe (First edition). New York: D. Appleton and company, 1925. 309 p.

18. *Simpson J. H.* The Refugee problem. Report of a survey. London: Oxford University Press, 1939. 637 p.

REFERENCES

1. Bazanov, P. N. Patriotizm i liubov' k Rodine kak otlichitel'naia cherta samosoznaniia pervoi i vtoroi "voln" russkoi emigratsii [Patriotism and love for the Motherland as a distinctive feature of self-consciousness of the first and second "waves" of Russian emigration]. In: Vestnik Russkoi Khristianskoi Gumanitarnoi Akademii, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 228–236. (In Russian).

2. Bazanov, P. N. Kul'tura provintsii Russkogo Zarubezh'ia (na primere poselka Kellomiaki, nyneshnee Komarovo) [Culture of the provinces of the Russian Abroad (on the example of the village of Kellomäki, present-day Komarovo)]. In: Vestnik Russkoi Khristianskoi Gumanitarnoi Akademii, 2023, vol. 25, no. 3–1, pp. 196–205. (In Russian).

3. Bazanov, P. N. Ocherki istorii russkoi emigratsii na Karel'skom peresheike (1917–1939 gg.) [Essays on the History of Russian Emigration on the Karelian Isthmus (1917–1939)]. Saint Petersburg, Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo Publ., 2015, 183 p. (In English).

4. Volkova, N. A. Peterburzhtsy — emigranty pervoi volny v Finliandii (predvaritel'nye itogi raboty nad bibliograficheskim ukazatelem) [Petersburgers — emigrants of the first wave in Finland (preliminary results of work on the bibliographic index)]. In: Istochnikovedenie i istoriografiia istorii Sankt-Peterburga i regiona. Saint Petersburg: Famous University Students, 2003, p. 421. (In Russian).

5. Dimianenko, A. A. Detskaia kniga russkogo zarubezh'ia v Evrope, 1920–1956-e gg. [Children's Books of the Russian Abroad in Europe, 1920–1956-ies.]. dis. … kand. filol. nauk: 05.25.03. Saint Petersburg, 2018. 380 p. (In Russian).

6. Elenevskaia, I. E. Vospominaniia. Chast' II. Zhizn' russkoi emigratsii v Finliandii [Memories. Part II. Life of the Russian emigration in Finland]. Proekt «Shvedskaia pal'ma». Stokgol'm, 2025. [Electronic resource] URL: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaja/vospominanija_chast_II.asp (accessed: 06.02.2025). (In Russian).

7. Kul'turno-prosvetitel'noe obshchestvo pri Vyborgskom pravoslavnom prikhode. Doklad pravleniia o deiatel'nosti obshchestva za 1923 g. s prilozheniem protokola revizii i finansovogo otcheta [Report of the Board of Directors on the activities of the society for 1923

with the attached minutes of the audit and financial report]. LOGAV. Fond 509, opis' 1, delo 7, 5 s. (in Russian).

8. Kul'turno-prosvetitel'noe obshchestvo pri Vyborgskom pravoslavnom prikhode. Doklad pravleniia o deiatel'nosti obshchestva za 1928 g. s prilozheniem protokola revizii i finansovogo otcheta [Report of the Board of Directors on the activities of the society for 1928 with annexed minutes of the audit and financial report]. LOGAV. Fond 509, opis' 1, delo 12. 5 s. (In Russian).

9. Kul'turno-prosvetitel'noe obshchestvo pri Vyborgskom pravoslavnom prikhode. Doklad pravleniia o deiatel'nosti obshchestva za 1937 g. s prilozheniem akta revizii i finansovogo otcheta. Spisok chlenov obshchestva [Report of the board of directors on the activities of the society for 1937 with an attached audit report and financial statement. List of members of the society]. LOGAV. Fond 509, opis' 1, delo 18, 13 s. (In Russian).

10. Liatskii, E. A. "Russkii vopros v Parizhe". Stat'ia [v gaz. Severnaia zhizn']. Rukoi A. V. Liatskoi (rozhd. Pypina) ["The Russian Question in Paris". Article [in the newspaper Severnaya zhizn]. By the hand of A. V. Lyatskaya (born Pypina)]. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Rossiiskoi akademii nauk. Fond 163, opis' 1. edinitsa khraneniia 275. 4 s. (In Russian).

11. Liatskii, E. A. Zametka ego po povodu stat'i E. I. Arabazhina "K ukhodu E. V. Liatskogo iz 'Russkoi zhizni'". Rukoi E. A. Liatskoi (rozhd. Pypina) [His note on E I. Arabazhin's article "Toward the departure of E. V. Lyatsky from Russkaya Zhizn". By the hand of E. A. Lyatskoi (born Pypin)]. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Rossiiskoi akademii nauk. Fond 163, opis' 1, edinitsa khraneniia 278. 10 s. (In Russian).

12. Musaev, V. I. Russkaia diaspora v Finliandii v 1920–1930e gg.: formirovanie, sposoby adaptatsii [Russian diaspora in Finland in the 1920s-1930s: formation, ways of adaptation]. In: Emigratsiia kak tekst kul'tury: istoricheskoe nasledie i sovremennost'. Budapesht: Kul'turno-prosvetitel'skii fond "Dialogorum", 2020, pp. 143–159. (In Russian).

13. Nevalainen, P. Izgoi: Rossiiskie bezhentsy v Finliandii (1917–1939) [Outcasts: Russian Refugees in Finland (1917–1939)]. Saint Petersburg, "Zhurnal 'Neva'" Publ., 2003, 368 p. (In Russian).

14. Russkaia koloniia v Finliandii. Ustav obshchestva Russkaia koloniia v Finliandii i ustav soiuza zashchity interesov russkikh grazhdan v Finliandii. Pechatnoe [Russian Colony in Finland. Statute of the Society Russian Colony in Finland and the Statute of the Union for the Protection of the Interests of Russian Citizens in Finland. Printed].)]. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Rossiiskoi akademii nauk. Fond 163, opis' 1, edinitsa khraneniia 280. 2 s. (In Russian).

15. Teterleva, T. P. Strany severnoi Evropy glazami russkikh poslerevoliutsionnykh emigrantov [Northern European countries through the eyes of Russian post-revolutionary emigrants]. Materialy Sed'moi ezhegodnoi nauchnoi konferentsii (13–14 aprelia 2005 g.). Saint Petersburg, 2006. URL: https://www.sweden4rus.nu/lib/istorija/text/russkie_emmigranty_v_severnoj_evrope (accessed: 21.01.2025). (In Russian).

16. Baschmakoff, N. Leinonen, M. Iz istorii i byta russkikh v Finliandii 1917–1939 [From the history and life of Russians in Finland 1917–1939]. In: STUDIA SLAVICA FINLANDENSIA. Helsinki, 1990, vol. 7, pp. 1–100. (In Russian).

17. Graham, Stephen. The dividing line of Europe (First edition). New York: D. Appleton and company Publ., 1925, 309 p. (In English).

18. Simpson, J. H. The Refugee problem. Report of a survey. London, Oxford University Press Publ., 1939, 637 p. (In English).